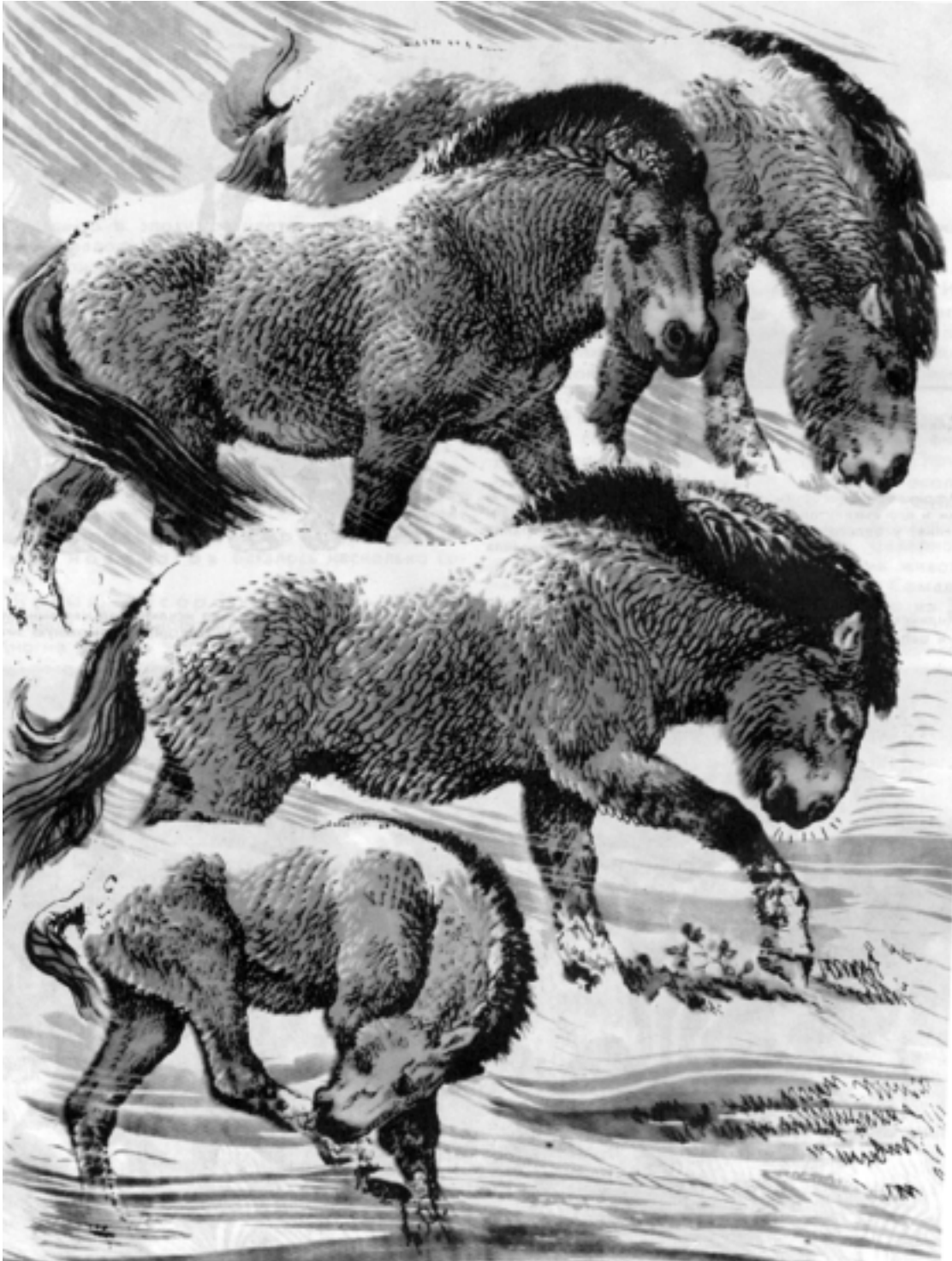

ОТ КАМНЯ
К МЕТАЛЛУ

*Иное - могучее племя
Здесь грозно когда-то царило.
Но скрыло бегучее время
Все то, что свершилось, что было...*

В.Я.Брюсов

Одним из самых интересных и загадочных периодов в человеческой истории является *энеолит* или эпоха раннего металла. Приоритет в изучении этой эпохи на территории нашего края принадлежит двум замечательным исследователям - Г.И.Матвеевой и И.Б.Васильеву¹. Именно они возобновили систематические исследования археологических памятников на территории нашего края, которые были в свое время начаты профессором В.В.Гольмстен², возглавлявшей в 20-е годы этнолого-археологические курсы в Самаре, а затем продолжены московскими археологами.

В середине 70-х годов под руководством Г.И.Матвеевой были проведены широкомасштабные разведочные работы, имевшие целью максимально, сколько позволяли силы и средства, учесть и изучить археологические памятники на тер-

¹ *Г.И. Матвеева* - археолог, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Самарского государственного университета. Основатель первой в Самаре научно-исследовательской археологической лаборатории. *И.Б.Васильев* - археолог, кандидат исторических наук, зав. кафедрой археологии и истории древнего мира Самарского Государственного педагогического университета, директор института истории и археологии Поволжья.

² *В.В.Гольмстен* - археолог, профессор Ленинградского университета, в 20-е годы работавшая в Самарском университете. Под ее руководством и при непосредственном участии были предприняты беспрецедентные по объему разведочные работы. В результате этих разведок в нашей области стали известны сотни археологических памятников. Некоторые из них были раскопаны. В.В.Гольмстен по праву может считаться основателем самарской археологии. Результаты ее работ не потеряли своей актуальности до настоящего времени.

ритории нашей области, составить их подробный список и наметить первоочередные научные задачи. Одним из многих замечательных открытий того времени стал могильник эпохи раннего металла у села Съезжее Богатовского района. Благодаря изучению этого уникального могильника была описана неизвестная до этого культура, названная *самарской*.

Съезженский могильник является памятником эпохи энеолита. Термин “энеолит” состоит из двух слов: латинского “энеус” - медь и греческого “литос” - камень. Они отражают сущность этого периода - появление и распространение первых металлических предметов на фоне широкого и повсеместного использования каменных орудий. Культура, возникшая на территории нашего края на рубеже V-IV тыс. до н.э., унаследовала от предшествующей эпохи все прогрессивные достижения: усовершенствованные способы охоты и рыбной ловли, навыки домостроительства, технологию обработки камня и т.д. Главным же достижением этого времени явилось становление производящего хозяйства. В этом смысле самарская культура знаменует логическое завершение “неолитической революции” на нашей территории.

В облике самарской культуры сохранились многие черты, присущие культуре предшествующей эпохи. Все исследователи сходятся на том, что одним из важнейших компонентов, на базе которого сложился местный энеолит, является средневолжская культура, а поэтому можно утверждать, что население, оставившее Съезженский могильник, было продолжателем местной линии культурного и этнического развития и отсутствие хронологического разрыва между накольчато-гребенчатыми и самарскими памятниками объясняет “неолитичность” последних.

Главным новшеством, позволяющим разделять две эпохи, является освоение меди. При этом первоначальное вне-

дрение в обиход нового материала не было проявлением коренной ломки общественных отношений или революционного прорыва в области технологии. Самые ранние изделия из меди во всем мире есть ни что иное, как украшения или культовые атрибуты, не несущие сколько-нибудь значимой “производительной” нагрузки. Эпоха металла окончательно утвердилась там, где из меди начинали изготавливать орудия труда, широко применявшиеся в быту. Разумеется, первым толчком для такого применения металла было изобретение самого принципа плавки меди, знакомство с полезными свойствами, отличающими ее от камня, традиционно используемого для изготовления орудий труда. Люди начали изготавливать металлические орудия труда не сразу. Они весьма медленно осваивали новый материал, который первоначально служил для изготовления предметов роскоши и культовых изделий. Думается, что самые ранние поделки из металла представляли для людей того времени огромную ценность, особенно если учесть то, что они несли также и сакральную¹ нагрузку.

В конце XIX века, благодаря химическому анализу, который показал различие между медью и бронзой, стало возможным выделение периода “энеолита” - этапа использования чистой меди. В 1876 году на Международном конгрессе по археологии и антропологии в Будапеште венгерские археологи предложили ввести в систему археологической периодизации новый период - медный век, поместив его между неолитом и бронзовым веком. Фон Пульский - основной автор этого предложения, связывал медный век с использованием самородной меди, обработка которой велась вначале по принципам каменной индустрии.

---

¹ Сакральный - культовый, религиозный, имеющий тайный смысл.

Древнейшие из известных находок медных изделий происходят с территории юго-восточной Турции. Люди, жившие там около 9 тысяч лет назад, стали в холодную ковать из чистой меди булавки, сверла и бусы. На территории Европы производство медных изделий было связано с Балкано-Карпатским меднорудным районом, где металлургические навыки стали достоянием человека в середине V тыс. до н.э. В Среднем Поволжье, где не было высококачественных руд, использовались небогатые медистые песчаники.

Древние рудокопы находили месторождения меди по одним им известным признакам, и не случайно ремесло рудознатцев было окружено ореолом тайны, а сами они нередко совмещали свою “геологическую” и металлургическую деятельность с функциями “духовных” лиц - шаманов и колдунов. Одним из верных признаков присутствия медной руды были выступающие на поверхность земли зеленые пятна окислов. Руду добывали с помощью каменных молотов в открытых ямах или шахтах, выносили в плетеных корзинах и кожаных мешках. На Алтае в древней шахте был найден скелет рудокопа с кожаным мешком за спиной.

Древнейшая металлообработка прошла несколько этапов развития. Вначале использовали самородную медь, принимая ее за разновидность камня, и обрабатывали ее как камень - техникой двусторонней оббивки. В результате возник прием холоднойковки. Когда же медь, попав в огонь, расплавилась и после остывания приняла новую форму, люди узнали преимуществаковки горячего металла. Выплавка меди из руд знаменует начало металлургии. Древние мастера сразу оценили замечательные свойства металла: хотя медное орудие быстро тупится, его можно наточить или переплавить. Однако редкость самого металла, высокая его стоимость по-прежнему выдвигали на первый план каменные орудия. Вначале из меди

изготавливались лишь украшения и мелкие предметы - колющие, режущие. С развитием металлообработки появилась возможность изготавливать орудия, не уступающие каменным: топоры, тесла, долота, мотыги, серпы, ножи. Люди выработали такие формы орудий, в которых наиболее практично использовались свойства нового материала.

Энеолитическая эпоха охватила не только области, имевшие центры металлургии и металлообработки. Изделия из меди проникали далеко от мест ее добычи. “Для древнего человека, взявшего в руки металлический топор, - пишет исследователь древней металлургии Н.В.Рындина, - было безразлично, где и кем он сделан: в местных мастерских или чужих, удаленных от него на сотни километров. Ему важны были технические преимущества нового орудия в сравнении со старым каменным”. С открытием металла расширились экономические связи между регионами, медные орудия внедрились в различные хозяйственные системы.

До открытия в 1973 году Г.Г.Пениным¹ могильника у села Съезжее энеолитическими считались погребения ямной культуры, совершенные под курганными насыпями, которые впоследствии были отнесены к эпохе ранней бронзы. К тому времени были известны лишь отдельные энеолитические находки: погребение у села Криволучье, исследованное профессором Ленинградского университета В.В.Гольмстен в 1929 году, каменный скипетр - символ власти, найденный случайно на границе Самарской и Саратовской областей. В

---

¹ Г.Г.Пенин - археолог, работал научным сотрудником археологической лаборатории Самарского государственного педагогического института, занимался проблемами каменного века лесостепного Поволжья. Открыл ряд интереснейших памятников на территории Самарской области. Незадолго до смерти разрабатывал вопросы петрографии каменных орудий с поволжских поселений.

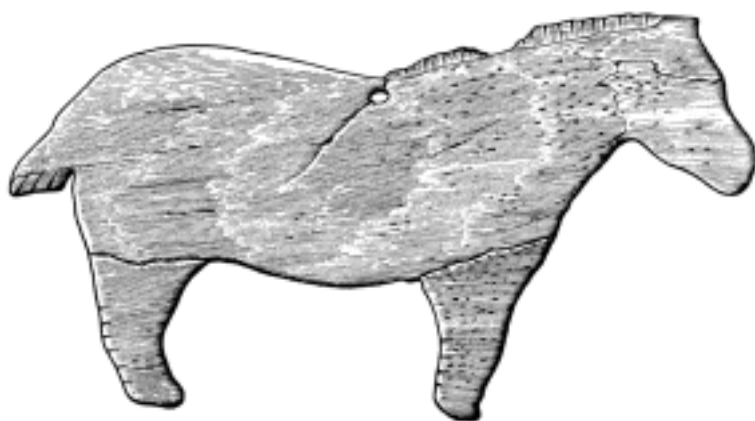
настоящее же время энеолит Самарского Поволжья ассоциируется у нас с тремя основными культурами: *самарской, хвалынской и волосовской*.

Разговор об энеолите на территории Сергиевского района мы начнем с описания памятников самарской культуры, но прежде, чем к нему приступить, необходимо вкратце познакомиться с материалами Съезженского могильника, до настоящего времени остающегося эталонным источником по этой культуре. Памятник находился на левом берегу реки Самары, на естественной возвышенности, не затапливаемой водой при разливе реки. Древний могильник это кладбище, сооружение которого сопровождалось определенными ритуальными действиями, связанными с представлениями людей о жизни и смерти. Сам факт существования могильника, как особого места захоронения умерших, говорит о том, что по сравнению с предшествующей эпохой, идеологические представления людей, населявших территорию Самарского Заволжья, значительно изменились.

Часть могильника была разрушена при рытье дренажной канавы. Сохранились девять захоронений, изучение которых дало возможность представить погребальный обряд древних съезженцев. Умерших соплеменников клали в неглубокие ямы, вырытые в грунте, в вытянутом положении на спине, головой на север или северо-восток. В одной могильной яме могли похоронить от одного до трех человек. Сверху тела посыпали красной охрой, символизирующей кровь, жизнь, тепло. Охра это минеральная краска, которая встречается в природе в залежах глины и имеет различные оттенки: от кроваво-красного до светло-желтого. Особенно много охры было найдено в захоронениях детей. Рядом с умершими клали необходимые для жизни в загробном мире вещи - орудия труда, украшения, посуду, охотничье и боевое снаряжение. В моги-

лах были обнаружены каменные шлифованные тесла, долота, кремневые ножи, костяные гарпуны, проколки и кинжалы, по боковым сторонам которых пропилены пазы для кремневых вкладышей.

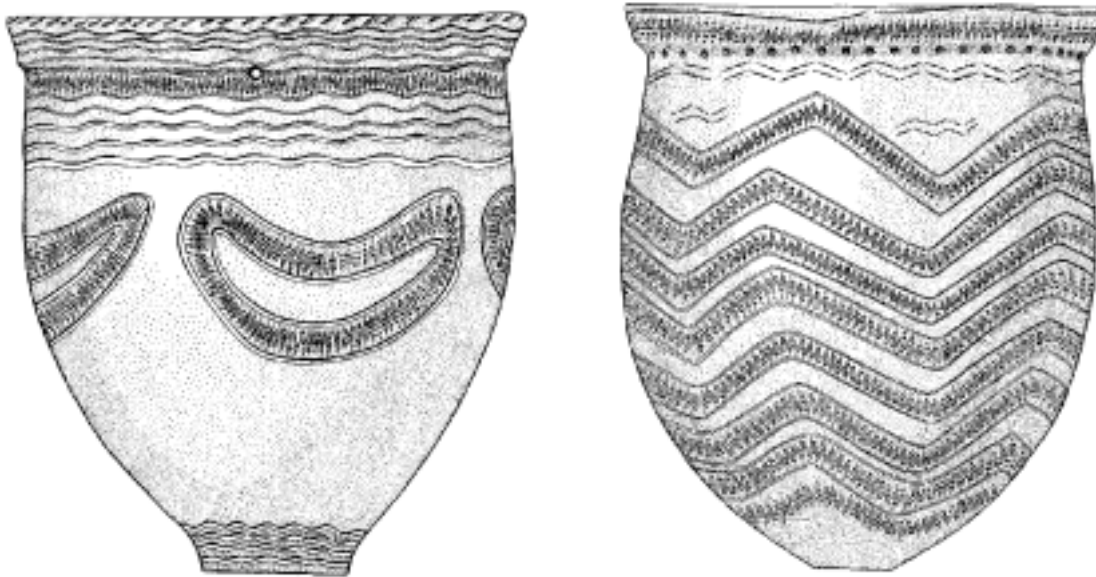
Костяная фигурка лошади из Съезженского могильника (реконструкция)

Украшения представляли собой подвески, пронизи¹, пластинки с поперечными нарезками и с отверстиями для пришивания, изготовленные из костей и клыков животных. Например, пластины с гладкой блестящей поверхностью были сделаны из клыка кабана. Подвесками служили морские ракушки разной величины. Древние мастера выточили из речных раковин множество бусин округлой формы, украшавших одежду погребенных. Наиболее богатыми были погребения детей, в которых, кроме орудий и украшений, найдены замечательные костяные фигурки быков и уток. Многие предметы сломаны или разбиты на части. Это традиционный для многих культур древности обряд “порчи вещей” - после смерти хозяина вещь тоже должна “умереть”.

По окончании захоронения рядом с могилой или над ней сооружали жертвенную площадку, поверхность которой посыпали охрой. На площадку ставили глиняные сосуды с поминальной пищей, клали черепа лошадей и части жертвенных животных. Здесь же были и различные вещи, например,

---

¹ Пронизи - продолговатые бусины.

Глиняные сосуды из Съезженского могильника

фигурка лошади, вырезанная из кости, подвески, бусы, гарпун. Часть погребений перекрывалась каменными закладками.

Керамика самарской культуры, найденная в могильнике, разнообразна и оригинальна. Сосуды имеют яйцевидную и котловидную форму с округлыми или вогнутыми вовнутрь днищами. Часть посуды имеет своеобразное оформление венчика в виде плоского утолщения - "воротничка", который, возможно, служил для подвешивания сосуда. Зачастую на шейках сосудов имеются ряды ямок. Орнамент покрывает полностью весь горшок от венчика до днища. Наиболее распространен узор, выполненный "шагающей гребенкой" - отступающим зубчатым штампом, а также наколами, нанесенными концом заостренной палочки. Композиции представлены в виде волн, зигзагов, лент, меандров, заполненных зубчатыми оттисками.

Антропологически часть похороненных в Съезженском могильнике близка своим предшественникам - представителям неолитических культур, которые относились к уральскому антропологическому типу, сочетавшему в себе монголоидные и европеоидные черты. В антропологии такое сходство не мо-

жет интерпретироваться иначе, как прямое генетическое родство. Другая их часть относится к иному типу - европеоидному. Наиболее широкие аналогии такому типу встречались на территории Поднепровья и Дона. Таким образом, палеоантропологические материалы Съезженского могильника могут свидетельствовать о контактах между коренным населением и пришлым.

Погребальный обряд Съезженского могильника, а также вещи и керамика были подробно изучены и сопоставлены с материалами энеолитических могильников Восточной Европы. Выявилась определенная культурно-хронологическая близость Съезженского могильника памятникам *мариупольской общности*, племена которой в энеолите заселяли районы Подонья и Поднепровья. Родственность культур столь удаленных друг от друга территорий объясняется тем, что в эпоху энеолита в связи со становлением скотоводческого типа хозяйства, освоением и распространением металлических изделий происходит интенсивное передвижение групп населения, увеличивается круг культур, участвующих в обмене, усиливаются межплеменные связи. Относительно замкнутому существованию первобытных неолитических общин пришел конец.

В настоящее время на территории нашей области известно более десяти памятников самарской культуры. Не считая Съезженского могильника, все они представляют собой поселения и стоянки, наиболее интересные из которых находятся на берегах реки Сок. Среди них поселения Лебяжинка III, IV и Гундоровское, расположенные недалеко от села Черновка близ границы Сергиевского и Красноярского районов, а также стоянки Чесноковская, Сергиевская и Попово Озеро. Как правило, стоянки и поселения энеолитического времени располагались на террасах по берегам стариц,

**Каменный ритуальный молоточек
с Чесноковского поселения**

на высоких мысах, которые в древности не затапливались. Таким образом, топографическое положение энеолитических поселков мало отличается от расположения стоянок эпохи неолита. К сожалению, возвышен-

ные участки поймы, на которых предпочитали селиться люди первобытных эпох, сейчас нередко распахиваются, что приносит порой непоправимый урон памятникам археологии.

Одним из самых значительных памятников медно-каменного века является Чесноковская стоянка, которая находилась на правом берегу реки Сок, в 1 км к югу от села Большая Чесноковка. Ее исследование проводилось в 1984-86 годах. Местные жители, из тех, что помоложе, наверное и сейчас помнят веселые школьные экспедиции, где они были нередкими гостями. В 1985 году в раскопках у Большой Чесноковки, кроме кружковцев из Самары, принимали участие ребята из Светлодольской средней школы Сергиевского района. Нельзя не вспомнить добрым словом многих и многих школьников из Самары и области, без заинтересованного участия которых значительная часть открытий, являющихся гордостью самарской археологии, могла бы не состояться.

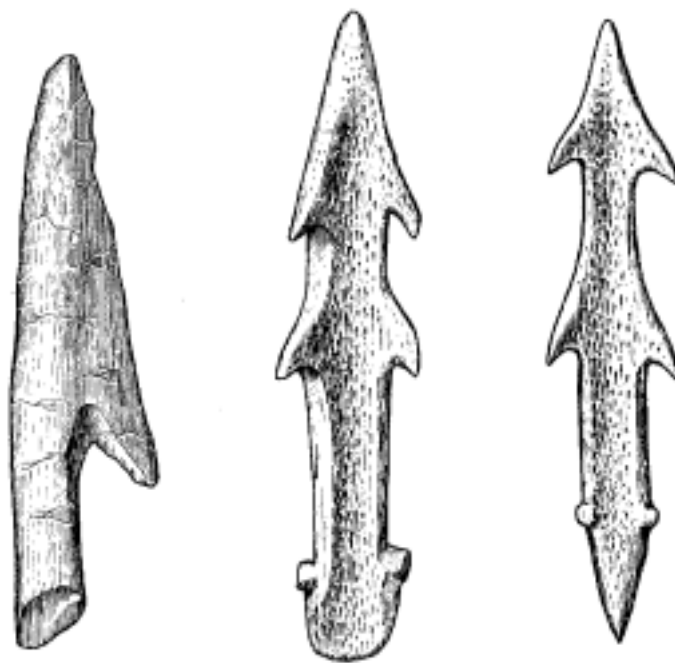
Чесноковская стоянка располагалась на пологом склоне низкой надпойменной террасы в 40 м от берега реки. Терраса представляла собой ровную площадку, ограниченную с трех сторон глубокими старицами, а с восточной стороны - рекой Сок. В настоящее время при разливе реки стоянка полностью заливается водой, но, благодаря толстому слою дерна,

перекрывавшему культурный слой, памятник хорошо сохранился.

Места хозяйственной деятельности людей удалось четко зафиксировать благодаря скоплениям каменных и костяных орудий, залежавших рядом с развалами глиняных сосудов. Здесь же найдены два погребения. Судя по сопровождающему их инвентарю, они были оставлены съезженским населением стоянки.

Первое погребение было совершено в неглубокой могильной яме неправильной формы. Костяк человека лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад, ногами к реке. По уже знакомому нам обычаю кости скелета были слегка окрашены охрой. У ног находилась кремневая пластина и два скребковидных орудия, а также острие и лоцило, изготовленные из кости. Лоцила служили для разглаживания швов на одежде, а также для выравнивания

стенок глиняной посуды во время лепки. Костяк, по определению антрополога Р.Мкртчян, принадлежал девочке-подростку. Второе погребение сохранилось гораздо хуже. Судя по сохранившимся частям скелета, погребенный был уложен на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на северо-северо-вос-

Костяные гарпуны с Чесноковской стоянки и аналогичное орудие (крайнее справа) из Съезженского могильника

ток. Череп и кости были окрашены охрой. Из-за фрагментарности костей пол и возраст этого человека определить не удалось. В ногах у погребенного находились костяной гарпун и несколько фрагментов костей животных со следами обработки. Особого внимания заслуживает гарпун, который был изготовлен из трубчатой кости животного и имел две пары клювообразных зубцов, расположенных симметрично. Орудие тщательно заполировано, острое хорошо заточено. На насаде были сделаны два выступа для привязывания к древку, причем, один выступ обломился, что вынудило древнего охотника на рыбу зашлифовать место слома. Эта находка, наряду с другими, позволила определить культурную принадлежность погребений. Подобные гарпуны имелись в Съезженском могильнике.

Другое поселение, на котором, помимо прочих, были обнаружены материалы самарской культуры, находится близ Гундоровского лесничества, недалеко от села Русская Селитьба. Гундоровское поселение, открытое еще в 60-е годы башкирскими студентами, расположено в живописном месте, которое жители окрестных сел называют "Кукушкин угол". На этом широком мысу, образованном излучиной реки Сок и его старицей, люди селились много раз. Самые ранние находки здесь датируются неолитом, самые поздние - средневековьем. Неизвестно, что именно побуждало людей практически всех эпох селиться в этом месте, но культурный слой Гундоровского поселения содержит материалы девяти культурно-хронологических типов, последовательно отражающих этапы проживания здесь представителей различных племен и народов. Помимо прочего, весьма интересного материала, на поселении были обнаружены остатки полуземлянки самарской культуры, к которой была приурочена различная хозяйственная утварь, а также погребения.

На противоположном берегу реки Сок, примерно в километре от Гундоровского поселения находился еще один поселок самарской культуры. По названию ближайшего к памятнику населенного пункта - небольшого хутора Лебяжинка, он был назван поселением Лебяжинка III. Местные жители называют эту часть поймы Сока "Кирьяновым углом". В отличие от других памятников, содержащих разновременные и разнокультурные комплексы, поселение Лебяжинка III - однослойное, что значительно повышает информативность исследований этого памятника. Все находки относятся ко времени проживания на этом месте древних самарцев. Раскопки здесь производились с 1988 по 1992 год.

Другой памятник самарской культуры - стоянка Попово Озеро, находится в 1,5 км юго-восточнее села Большая Чесноковка, на берегу старичного озера Большое Попово, на правом берегу реки Сок. Следов долговременных жилищ на памятнике не обнаружено. Либо люди жили здесь в теплое время года, либо их пребывание здесь было очень недолгим. О кратковременном пребывании людей на таких стоянках, помимо отсутствия углубленных в землю жилищ, свидетельствует тонкий культурный слой и относительно малое количество инвентаря.

Благодаря раскопкам поселений Гундоровское и Лебяжинка III, на которых изучены жилища, мы можем представить их конструкцию и внешний вид. Для холодного времени года древние самарцы строили полуземлянки. Сначала с помощью каменных и деревянных орудий они рыли в земле котлован глубиной в среднем 0,4-0,5 м. Форма котлована была, как правило, вытянутой, близкой к прямоугольнику. Затем вкапывались опорные столбы, на которых держались поперечные балки кровли. На них, в свою очередь, крепились бревна и жерди, составляющие стены. Для опор подготавли-

вались столбы диаметром от 30 до 50 см. Деревянную основу покрывали шкурами и присыпали землей. Примерная реконструкция полуземлянки, изученной на поселении Лебяжинка III, произведена на основании конфигурации котлована, отчетливо проступавшего на фоне желтой материковой глины, и расположения столбовых ям, зафиксированных на полу постройки. В размещении ям видна определенная система. Из 11 столбов 10 были приурочены к центральной части котлована и располагались рядами - по продольной оси жилища и поперек нее. Очевидно, кровля центральной части постройки покоилась на опорных столбах, а со всех сторон на нее опирались верхними концами наклонно поставленные бревна, нижние концы которых были вкопаны в землю.

Внутри, на полу жилища находились очаги - источник тепла и света. С ними была связана наиболее интенсивная хозяйственная деятельность обитателей полуземлянки. Количество находок вокруг очагов заметно превышает число вещей на площади, с кострищами не связанной. Очаги были расположены примерно на равном расстоянии друг от друга. Если все они горели одновременно, жилище могло равномерно обогреваться. В теплое время года очаги сооружались на открытом воздухе - рядом с полуземлянками. На поселении Лебяжинка III очаг, устроенный рядом с жилищем, был защищен от ветра и дождя заслоном, опиравшимся на деревянный столб.

В постройке, кроме столбовых, было обнаружено несколько ям иного назначения. В них сбрасывали мусор: сломанные предметы, разбитые горшки, кухонные отходы, не пригодные для изготовления орудий труда кремневые отщепы и сколы.

Площадь полуземлянок составляет в среднем 100-110 м². Судя по этнографическим данным, определяющим соответствие

размеров и планировки жилища составу семьи, можно представить количество обитателей постройки. Этнографы установили, что в современных обществах, стоящих на энеолитической стадии развития, для проживания человеку необходима площадь не менее 3,5 м². Отсюда следует, что в жилищах Гундоровского и Лебяжинского III поселений могло жить в среднем около 30 человек. Примерно та же цифра получается при соотнесении количества семей с числом очагов при условии, что одним очагом пользовалась семья, состоявшая из 5-6 человек.

Костяные рыболовные крючки и гарпуны с Чесноковской стоянки и Гундоровского поселения

О занятиях древних самарцев охотой свидетельствуют найденные на поселениях многочисленные наконечники стрел с двусторонней обработкой, имеющие разнообразную форму: листовидную, треугольно-черешковую, в виде “рыбки”, с боковым шипом или асимметричную. Такое количество типов связано с применением их для охоты на различных животных. Разделка туш производилась крупными кремневыми ножами саблевидной формы. Шкуры обрабатывались скоблящими и режущими орудиями, среди которых самыми распространенными являются скребки. Сырьем для изготовления орудий служили кварцит и кремень серого, розовато-желтого, темно-коричневого оттенков. В кухонных остатках поселений встречены кости и позвонки рыб сомовых, осетровых и окуневых пород. Имеются и орудия рыболовства - костяные крючки и гарпуны. Иногда с помощью гарпунов охотились

на бобров и выдр. Экологически емкие районы могли обеспечить пищей большие коллективы людей, которым в то время уже были известны самые разнообразные приемы охоты и рыбной ловли, а также достигнут высокий уровень в производстве каменных орудий.

Во время археологического изучения поселений Гундоровское и Лебяжинка III были проведены комплексные исследования с участием специалистов - представителей естественных наук. Образцы органических остатков были датированы радиоуглеродным методом, с помощью изучения костей животных и рыб был установлен их видовой состав. Химический анализ древней почвы, а также изучение содержащихся в ней спор и пыльцы растений помогли реконструировать природно-ландшафтную обстановку и уточнить радиоуглеродные даты.

Время около 6 тысяч лет назад палеогеографы называют климатическим оптимумом, так как по сравнению с другими отрезками послеледникового периода, включая и современный, этот был наиболее теплый и влажный. Установившийся к этому времени климат способствовал развитию пойменных перелесков, в которых преобладала сосна, береза, липа, а также лугов и разнотравно-злаковых степей, которые, в целом, оставались в ландшафте господствующими. Костные остатки, найденные на поселениях, свидетельствуют о разнообразном животном мире. Продукты охоты и рыболовства занимали значительное место в рационе питания аборигенов, однако активно развивалась и производящая форма хозяйства - скотоводство. Среди домашних животных самарских племен преобладали лошадь и крупный рогатый скот.

Сейчас трудно утверждать, какой вид хозяйства являлся у самарцев доминирующим, но на некоторых поселениях, например, Лебяжинке III, фаунистические остатки охотничье-

промысловых особей несколько преобладают над домашними. Древние самарцы охотились на медведя, турообразного быка, выдру, лося, бобра, косулю и других животных. Немало на поселениях того времени и костей черепахи. На поселении Лебяжинка III обнаружены кости дикого верблюда. По мнению ученых, Самарское Поволжье - самое северное место в Евразии, где это животное обитало.

В описываемое время окончательно оформился начавшийся в неолите процесс освоения человеком ресурсов различных экологических ниш. Видовой состав животных, являвшихся охотничьей добычей обитателей наших мест в энеолитическую эпоху, убедительно свидетельствует о том, что население этого времени одинаково успешно охотилось и в условиях пойменных лесов, и на открытых степных пространствах. До мельчайших подробностей изучив окружающий их мир, местные племена создали хозяйство, приспособленное к любым сезонным колебаниям. Оседлость и все более интенсивное использование природных ресурсов, накопление знаний об особенностях и полезных свойствах животных и растений создавали благоприятные предпосылки для домостроения. Встает, однако, вопрос, явилось ли возникновение скотоводства результатом процессов местного развития, или идеи одомашнивания были привнесены в среду самарских племен извне.

Мариупольская историко-культурная область, связь с которой самарской культуры не вызывает сомнений, являлась одним из очагов раннего скотоводства, а поэтому вполне вероятно, что в ходе культурных контактов модель производящего скотоводческого хозяйства была перенесена в Поволжье в готовом виде с юго-западных территорий. С другой стороны, в местных условиях тоже имелся комплекс предпосылок, которые вполне закономерно могли стимулировать опыты сна-

чала по приручению, а потом по разведению стадных животных.

Степные и лесостепные районы Поволжья и Приуралья являлись родиной диких лошадей. Их внешний вид несколько отличался от облика современных животных: лошади были невысокие, коренастые, средних размеров и имели голову более коротких пропорций. Они относятся к группе среднерослых лошадей степного типа. Кости диких лошадей обнаружены на многих нео- и энеолитических памятниках Волго-Уралья, в том числе на стоянке Лебяжинка IV, расположенной к юго-западу от села Черновка.

Зубы и кости лошадей, возможно, домашних, обнаружены и на поселении Сергиевск I, открытом и частично изученном А.Е.Мамоновым в 1991 году. Этот памятник расположен на возвышенном мысу правой надпойменной террасы реки Сок, в 1,5 км к юго-западу от СПТУ села Сергиевска, в 300 м восточнее песчаного карьера. Здесь были найдены обломки сосудов самарской культуры, кремневые изделия, кости животных, в том числе лошади. На самарских памятниках имеются и кости турообразных быков.

Таким образом, в Среднем Поволжье имелись стадные животные, потенциально пригодные для одомашнивания, и, как показывают исследования, именно коневодство и разведение крупного рогатого скота составили основу производящего хозяйства местных энеолитических племен. Учитывая внутреннюю логику развития общества в неолите и энеолите, а также сумму внешних факторов, можно заключить, что на Средней Волге производящее хозяйство вполне могло возникнуть самостоятельно.

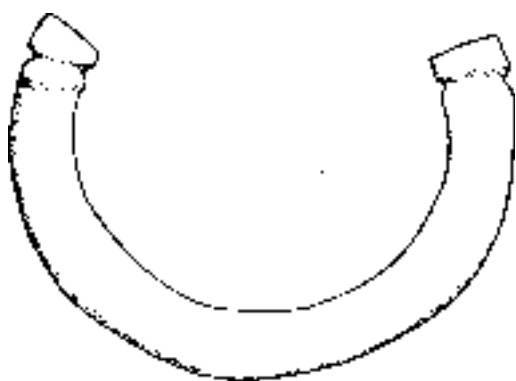
На памятниках самарской культуры имеются находки, которые позволяют представить не только хозяйственную жизнь древних, но и их занятия, которые сейчас мы назвали бы

**Бусы из раковины с Гундоровского поселения,
хранившиеся в глиняном сосуде**

художественной деятельностью. Речь идет об украшениях, культовых предметах, орнаменте на керамике, кости, камне. Эти изделия были необходимы во многих отношениях - они указывали на этническую принадлежность, отражали религиозное мировоззрение, представления об окружающем мире, от них зависело благополучие и достаток рода. Словом, изделия, которые мы относим к образцам искусства, имели для древних такое же, если не большее, значение, чем орудия труда.

Мотивы и сюжеты для художественного творчества давала окружающая природа, с которой люди жили в теснейшем взаимодействии. Нам трудно судить о точном семантическом значении орнаментов на глиняной посуде, но то, что они несли глубокую смысловую нагрузку - очевидно. Вполне возможно, что мотив меандра, так часто встречающийся в орнаментации самарских сосудов, символизировал реку с ее многочисленными излучинами, волнистые линии под венчиками - небо, а ритмичные зональные мотивы были отражением монотонности скупого степного пейзажа. Плавные и пластичные орнаментальные мотивы самарской посуды очень не похожи на угловатые геометризмы накольчатой керамики пришельцев из Нижнего Поволжья, что говорит не только об

**Каменный браслет из
Хвалынского могильника**

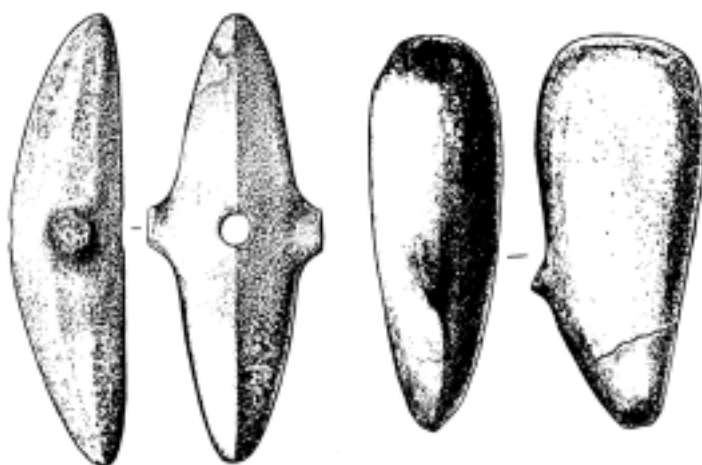
этнических и культурных различиях, но, очевидно, и о разнице в эстетических пристрастиях. Преимущественно горизонтальное расположение орнаментальных зон дает представление о восприятии людьми окружающего пространства.

Орнаменты на посуде, видимо, наносились и в магических

целях. На Гундоровском поселении рядом с жилищем был обнаружен сосуд, в котором находились бусы из раковин, обточенных в виде миниатюрных кусочков. Он резко отличался от других замысловатостью и своеобразным изяществом оттиснутого на нем узора. Вероятно, орнамент в данном случае должен был оберегать ценное содержимое сосуда. Оттиски гребенчатого штампа на самарских горшках, возможно, имитировали швы на одежде, и, помимо прочих функций, должны были, по мнению древних гончаров, придавать посуде прочность.

Костяная пластика отражает существовавшие в обществе самарцев культовые представления, связанные, в том числе, со скотоводством. В Съезженском могильнике были найдены изготовленные из костяных пластин фигурки лошадей и быков - весьма распространенный в культурах мариупольского круга образ. Вместе с тем, среди фигурок имеются и изображения утки - птицы, которая, достаточно часто становилась охотничьей добычей. Костяные изделия оригинальны и не лишены изящества, они свидетельствуют о высоком уровне косторезного ремесла и о своеобразном художественном вкусе древних мастеров.

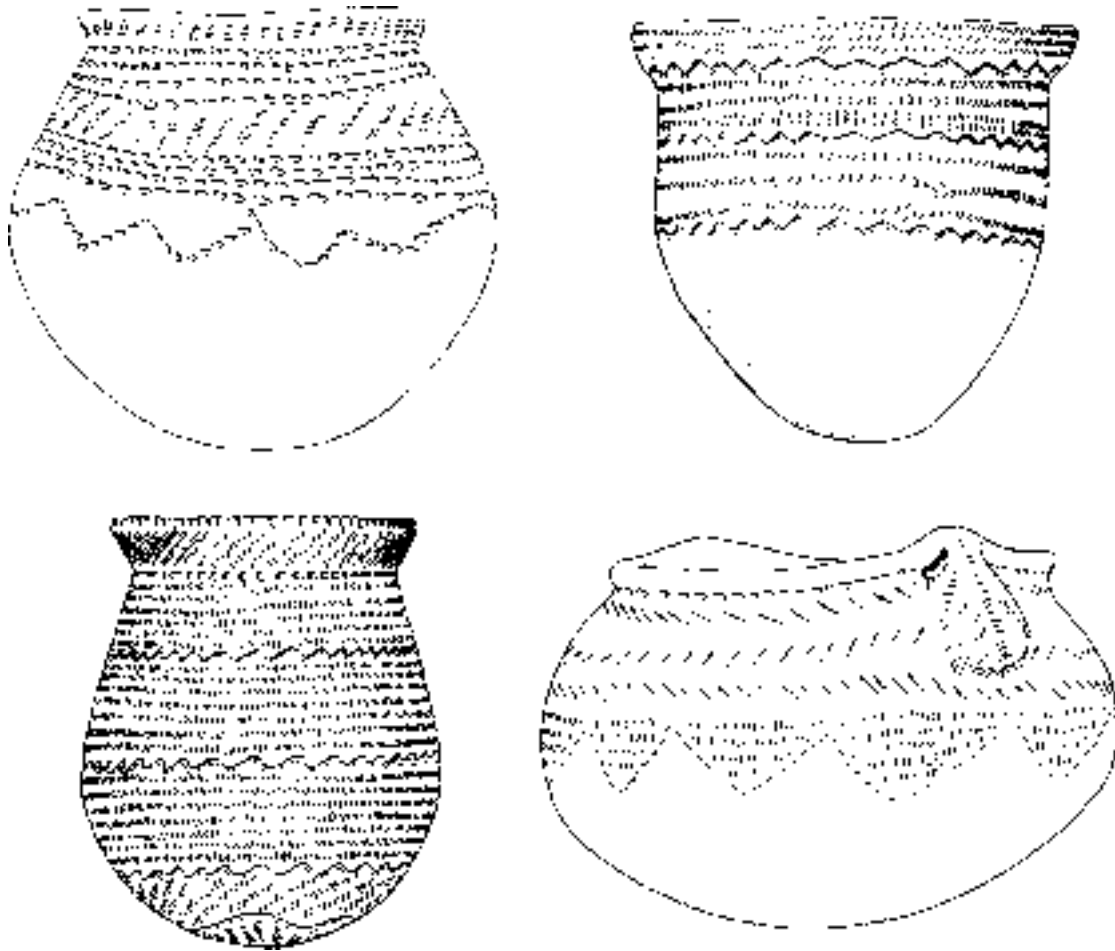
Самарская культура - одно из самых ярких и самобытных явлений в первобытной истории нашего края. Но в нашем регионе в медно-каменном веке проживало не только самарское население. Другое, не менее

Каменные шлифованные скипетры из погребений Хвалынского могильника.

яркое явление того времени - *хвалынская* культура, названная так после раскопок могильника близ города Хвалынска на севере Саратовской области. Хвалынский могильник это памятник мирового значения, так как уровень проблем, решаемых на основании полученных на нем материалов, далеко выходит за рамки узко региональных. Немногие археологические памятники по яркости и богатству могут сравниться с этим уникальным могильником, но поскольку ему посвящен ряд публикаций, подробно описывающих материалы памятника, здесь мы остановимся на них лишь вкратце.

Хвалынский могильник располагался на естественном всхолмлении высокого правого берега реки Волги. Сейчас это место затоплено водами Саратовского водохранилища. При раскопках памятника было обнаружено 158 костяков, лежавших по одному, либо группами. Некоторые захоронения были совершены в несколько ярусов - одно над другим. Умерших укладывали на спину, подогнув у них колени и сложив руки на таз. Единичные погребения совершены в сидячей позе. Многие костяки щедро посыпаны красной охрой. В некоторых случаях в могилах встречены закладки из крупных камней. Погребальный инвентарь, сопровождающий ко-

Глиняная посуда хвалынской культуры.

стяжки, богат и разнообразен: бусы из морских раковин, украшения из камня и кости, медные украшения, каменные орудия труда, глиняная посуда. Не могут не вызывать удивления шлифованные каменные браслеты, подвески из громадных клыков диких кабанов-вепрей, разнообразные гарпуны и костяные рыболовные крючки, обработанные трубчатые птичьи косточки - возможно, флейты и многое другое из того, что заботливые соплеменники положили своим умершим в дорогу в царство мертвых. Погребения людей перемежаются многочисленными жертвенниками с костями животных - лошадей, быков, овец и коз.

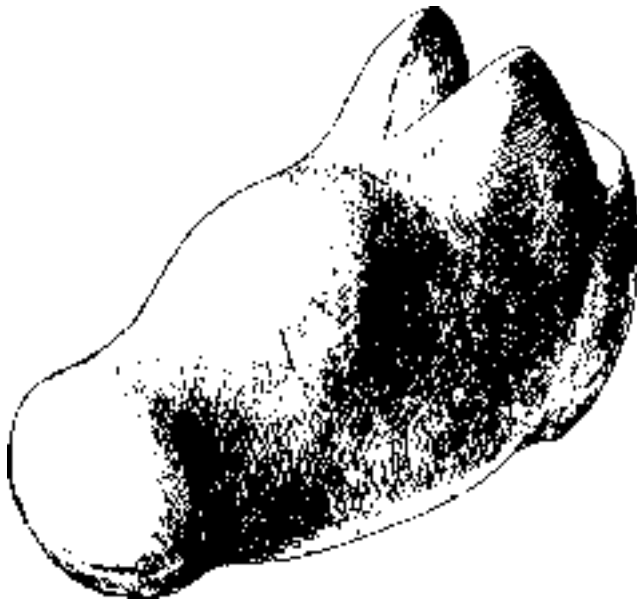

Памятники хвалынской культуры распространены на всей территории степного и лесостепного Поволжья. Имеются они и в Сергиевском районе. Материалы хвалынского типа были обнаружены в энеолитическом слое стоянки Чекалино IV и представляли собой обломки глиняных сосудов с мешковидным туловом, круглыми донцами и “стянутым” горлом. Орнамент занимает верхнюю часть сосудов. Он нанесен гребенчатым штампом, либо способом прокатывания по сырой глине окаменелых моллюсков - аммонитов. Венчики имеют характерное утолщение.

Чекалино IV - не единственный в бассейне Сока хвалынский памятник. Довольно большие поселки этой культуры были изучены несколько южнее - на левом берегу реки Сок между селами Русская Селитьба, Черновка и Большая Раковка. Изучив эти поселения, археологи получили ценные коллекции каменных орудий, керамики и прочей утвари. Анализ этих коллекций показал, что они немного отличаются от родственных им материалов с территории Нижнего Поволжья. На основании этих отличий сделан вывод, что хвалынская культура делится на две группы - степную и лесостепную, существование которых, возможно, отражает имевшее место племенное деление.

Существование памятников поселенческого типа говорит об относительно оседлом образе жизни хвалынских племен. При этом население активно занималось разведением скота, чему имеются неоспоримые свидетельства, например, жертвенники Хвалынского могильника. Сочетание поселенческих памятников и остатков домашней фауны может означать, что скотоводство было придомным.

Разведение скота имело большое значение для хозяйства хвалынских племен, ведущая же роль принадлежала коневодству. Справедливо считается, что первыми начали одо-

Навершие скипетра в виде головы лошади со стоянки Лебяжинка IV

машнивать лошадѣй племена, населявшие восточно-европейскую степь и лесостепь от Днепра до Урала, причем приоритет, видимо, принадлежал восточным территориям - Поволжью и Приуралью. Нет нужды перечислять все блага, которые человек получил, одомашнив лошадь. Скажем лишь, что одомашнивание коня - это революцион-

ное событие для всего Старого Света, и значение этого животного в жизни человеческого общества трудно переоценить. В энеолите, благодаря лошади, появилась возможность передвигаться на значительные расстояния, чем и объясняется общность племен на обширных пространствах и возникновение огромных историко-культурных областей.

Тот факт, что хвалынцы совершали далекие экспедиции, подтверждает химический состав принадлежавших им металлических предметов. Похороненным в Хвалынском могильнике людям в качестве погребального инвентаря положили большое количество медных изделий. Спектральный анализ, с помощью которого можно точно установить место добычи металла, показал, что металлические вещи из Хвалынского могильника сделаны из меди балканских рудников, располагавшихся на территории современной Болгарии. Наиболее подходящим товаром, который мог быть предложен в качестве уплаты за драгоценную медь, были лошади.

С началом коневодства стал утверждаться культ коня, что отразилось в устройстве жертвенников с черепами лошадей, распространении изображений лошади. На памятниках Поволжья и Приуралья известны находки каменных скипетров в виде головы лошади и фигурки лошадей, вырезанные из кости. Уникальный скипетр обнаружен на поселении Лебяжинка IV вместе с керамикой хвалынской культуры. Первоначально скипетр имел в середине сквозное отверстие для насаживания на древко. Нами найдена зооморфная¹ часть этого изделия, которая очень реалистично передает очертания головы лошади, особенно в профиль - ее наклон, уши, скулы, впадину под нижней челюстью. Обушковая часть не сохранилась. Скипетр был изготовлен из камня диатомита молочного цвета, который редко встречается на нашей территории, он распространен южнее Самарской области - в Нижнем Поволжье. Это обстоятельство может означать, что скипетр был принесен населением степных районов Поволжья. После того, как он раскололся, его, вероятно, еще использовали - край слома окатан. Поверхность изделия была покрыта известковой коркой. После ее удаления стала видна тонкая линия, проведенная от ноздрей к ушам. Видимо, это изображение детали конской сбруи. Исследователи считают, что самые первые уздечки могли быть в виде намордника, сплетенного из кожаных ремешков. Об этом свидетельствуют орнаменты на некоторых скипетрах, изображающие примитивную узду, применявшуюся для приручения диких лошадей. Такие уздечки конструктивно близки удилам ослов и лошадей Древнего Востока.

Скипетры являются атрибутами патриархальной власти вождя-всадника, так как они изображают головы боевых и

---

¹ Зооморфный - в виде животного.

верховых коней. Скипетры появились одновременно с другими знаками власти, например, булавами, и символизировали общественную, военную и духовную жреческую власть вождей-патриархов. Распространение скипетров, а известны они на территории Румынии, Молдовы, Украины, Предкавказья, Поволжья и Приуралья, связано с миграциями степных скотоводческих племен энеолитической эпохи и датируется серединой - второй половиной IV тыс. до н.э.

Одной из самых сложных является проблема происхождения хвалынской культуры. По одной версии, хвалынцы были потомками самарского населения, из чего следует, что хвалынская культура, в целом, существовала позже самарской. Другая точка зрения состоит в том, что эти две культуры существовали синхронно, а значит, древние съезженцы не могли быть предками хвалынцев. Этот вопрос весьма важен, так как от его решения зависит понимание этнокультурных процессов, протекавших на огромной территории Восточно-Европейских степей, и, в частности, в Самарском Поволжье. Хвалынская культура, которую в эпоху бронзы сменило развитое скотоводческое общество с курганным погребальным обрядом и кочевническим укладом жизни, представляет собой ключевое явление, обуславливающее ход дальнейшей истории значительной части Восточной Европы. Кроме того, культуры эпохи бронзы, генетически восходящие к хвалынскому феномену, относятся к кругу протоиндоевропейских, то есть, в определенном смысле, большинство современных европейских народов имеет общего предка, в том числе, и в лице хвалынцев.

Проблемы этногенеза энеолитических племен лесостепного Поволжья могут быть в какой-то степени решены на антропологическом материале. Согласно выводам антропологов, состав хвалынского населения был, как минимум, двухкомпонентным. Большая его часть принадлежала к европео-

идной расе в ее классическом древнесредиземноморском варианте, а меньшая относилась к древнеуральскому типу. Представителями последнего были люди самарской и предшествующей неолитической культуры. Наличие же древнесредиземноморских форм в лесостепном Поволжье впервые фиксируется именно на хвалынском материале. Все это говорит о том, что европеоидное население, скорее всего, было пришлым - проникло на Волгу из южных, западных или юго-западных областей, а не сформировалось на месте. Придя в Поволжский регион, мигранты столкнулись здесь с исконным населением, связанным своим происхождением преимущественно с древнеуральскими популяциями. Контакты между ними не могли не отразиться на материальной культуре, чем и объясняются некоторые параллели в облике бытовых и погребальных вещей двух групп населения.

Если хвалынцы не являются потомками самарцев, то дальнейшая судьба последних представляется совершенно туманной. Следов явных потомков, наследующих племенам, изготовлявшим воротничковую керамику съезженского типа, пока не обнаружено. Можно предполагать практически полное "растворение" самарского населения в инокультурной среде - ассимиляцию, либо вытеснение этих племен на иные территории. Таким образом, получается, что съезженцы были "последними из могикан", замыкая цепочку генетически связанных между собою культур, последовательно сменяющих друг друга на протяжении почти трех тысячелетий, и с концом самарской культуры на нашей территории закончилась этническая история населения, формирование которого произошло на рубеже палеолита и мезолита. По поводу одного из звеньев этой цепочки - неолитической гребенчатой культуры, в ряде научных работ содержится мнение, согласно которому племена, изготовлявшие гребенчатую керамику, принадлежали к фин-

но-угорской языковой группе. Если это так, то на сходном наречии говорили и представители остальных звеньев этой цепи - носители культур предшествующей и последующей эпох вплоть до времени возобладания в регионе индо-иранского населения.

В середине III тыс. до н.э. из лесной зоны Восточной Европы в лесостепные регионы Поволжья продвигаются финно-угорские племена - предки современных марийцев, удмуртов, мордвы, коми. Исконными местами обитания этих племен были леса Поволжья и Прикамья. В археологической литературе культуры, оставленные этим населением, получили название *волоховской, гаринской, новоильинской*. Миграция лесного населения подтверждается целым рядом фактов - в домостроительстве, планировке жилищ, керамике, орудиях труда и предметах культа поселений лесостепного Поволжья этого времени отразились традиции лесных культур. Наиболее значительные поселения и стоянки, где это влияние ярче всего проявилось, находятся в бассейне реки Сок близ сел Чесноковка, Гундоровка, Чекалино, Лебяжинка. Пребывание пришельцев на территории нашего края не было кратковременным. Они обосновывались здесь надолго. Об этом свидетельствуют долговременные жилища полуземляночного типа, мощные очажные и хозяйственные ямы, сотни глиняных сосудов и множество другой хозяйственной утвари. На поселениях были найдены разнообразные кремневые изделия и заготовки, костяные орудия для рыбной ловли, охоты и обработки шкур, молоты, грузила, песты, терочные плиты. Здесь же - на поселениях, обнаружены и погребения людей. Набор орудий труда свидетельствует о том, что навыки производящего хозяйства этим племенам не были знакомы, основу жизнеобеспечения составляли охота и рыбная ловля в сочетании с собирательством.

Что же способствовало освоению новых земель обитателями поволжских лесов? По данным палеогеографии в первой половине III тыс. до н.э. на всей территории Северной Евразии изменились климатические условия. В это время в лесной зоне начинается похолодание в сочетании с возрастанием влажности климата. Широколиственная растительность, служившая основным кормом для большинства копытных животных, в течение достаточно короткого времени деградировала, уступив место темнохвойным древесным породам. Современный таежный тип ландшафта сформировался, таким образом, в начале III тыс. до н.э. В силу изменившихся природных условий животные, а за ними и люди вынуждены

Костяная поделка в виде головы лося, найденная на Гундоровском поселении

были мигрировать в южном направлении в районы с более мягким климатом.

Долины относительно крупных рек Волжского бассейна покрываются в это время более обширными, чем прежде, лесами, которые на севере соединялись с основным поволжским лесным массивом. Это и дало возможность обитавшим там племенам проникать далеко на юг, не меняя привычного им хозяйственного уклада, связанного с охотой и рыболовством. Другой причиной, побудившей вологовцев мигрировать

вать на юг мог быть демографический рост. На территории республики Марий Эл известны сотни поселков волосовской культуры, что свидетельствует о значительном росте населения в этом регионе в эпоху позднего энеолита. Демографический рост неизбежно вел к истощению охотничьих угодий, и “излишки” населения были вынуждены осваивать новые территории для того, чтобы не умереть от голода.

Облик волосовской культуры отчетливо рисует картину охотничье-рыболовческого образа жизни ее носителей. Во время охоты волосовцы пользовались луком и стрелами, дротиками и копьями с каменными наконечниками. О дифференцированной рыбной ловле в разные сезоны свидетельствуют гарпуны, рыболовные крючки разных размеров, каменные грузила и отпечатки сетей на сосудах. Гарпуны, видимо, использовались также для охоты на бобров и выдр. Для костяных поделок использовались, преимущественно, рога лосей, оленей, косуль, а также кости медведей и кабанов.

Характерной особенностью волосовской культуры являются разнообразные фигурки, изображающие животных, рыб, птиц и людей. Они сделаны из кости и кремня (так называемый “фигурный” кремень). Оригинальные зооморфные и антропоморфные¹ фигурки из кремня были найдены на Гундоровском поселении. Оттуда же происходит и изображение головы лося, сделанное из кости. Лоси, передвигаясь по одним и тем же маршрутам, были одной из самых предпочитаемых разновидностей охотничьей добычи, а имеющиеся их скульптурные изображения свидетельствуют о культовом почитании этого животного первобытными охотниками.

Каменный инвентарь волосовцев отличается большим разнообразием. Это скребки для очистки мездры² и обра-

---

¹ Антропоморфные - в виде человека.

² Мездра - остатки жира и мяса на внутренней поверхности снятой шкуры.

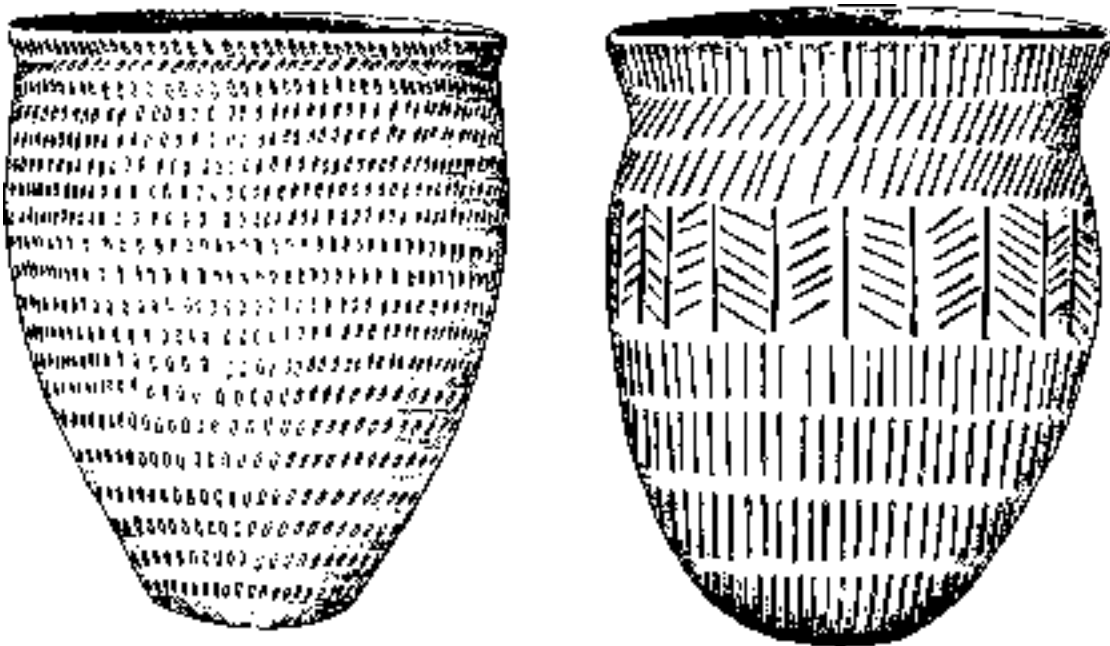
ботки дерева и кости, мясные и рыбные ножи, сверла и проколки, комбинированные орудия. Известны и шлифованные орудия из камня, служившие для обработки дерева: тесла, топоры долота, стамески. Эти инструменты были необходимы в домостроительстве и для изготовления охотничьего и рыболовного снаряжения. Особую категорию составляют массивные каменные молоты с желобками-перехватами для привязывания.

Остатки жилищ, исследованные на Гундоровском поселении, дают представление об особенностях домостроительства волосовцев. Их дома представляли собой утепленные полуземлянки, состоявшие из нескольких прямоугольных “комнат”, соединенных узкими переходами. Кровля и стены опирались на крепкие столбовые конструкции. Такое жилище было надежным убежищем в зимние холода. Жилище Гундоровского поселения состояло из четырех “комнат”. Отложившийся в них культурный слой содержал многочисленные развалы глиняных сосудов, каменные орудия и отходы их производства, а также другие вещи, использовавшиеся в быту.

Керамику волосовской культуры трудно спутать с какой-либо иной. Она толстостенна и груба, внешние и внутренние поверхности покрыты “расчесами”, образовавшимися при выравнивании стенок. Характерно оформление верхних частей сосудов - они утолщены и в сечении напоминают букву Г или Т. Вся посуда богато орнаментирована. Орнаменты

Кремневый нож для разделки рыбы

Сосуды волосовской культуры

выполнены преимущественно зубчатым штампом и выстроены в геометрические композиции в виде зигзагов, сетки, ромбов, крестов. Наряду с горизонтальным расположением орнаментальных зон нередко встречается и вертикальное.

Облик волосовских древностей Самарского Поволжья позволяет связывать их с материалами аналогичных памятников республики Марий Эл. Мы с уверенностью можем говорить о том, что население, появившееся в нашем крае в конце энеолитической эпохи, до этого проживало на более северных территориях Среднего Поволжья. Об этом убедительно свидетельствует весь облик материальной культуры позднего энеолита двух регионов.

Благодаря исследованиям волосовских памятников в бассейне реки Сок можно представить особенности погребального обряда носителей этой культуры. На основной территории их обитания редко удастся обнаружить погребения. Это связано с особенностями состава почв лесной зоны - подзолистых и супесчаных. Эти почвы способствуют свободному

доступу кислорода, что приводит к полному исчезновению органических остатков. Иной состав почвенного покрова лесостепной зоны обеспечивает лучшую сохранность древних погребений.

Умерших волосовцы хоронили около жилищ или прямо в полуземлянках, которые после этого, вероятно, покидались. На Гундоровском поселении найдено несколько погребений, совершенных по обряду, характерному для финно-угорских народов, которые не закапывали покойных в землю, а помещали их либо в специально сооруженный для этого домик, либо подвешивали на дерево. Этнографам известны также обряды расчленения и вторичного захоронения останков. Отсутствие могильных ям в погребениях Гундоровского поселения свидетельствует, что умершие были уложены на поверхности земли, а затем, возможно, присыпаны. При костяках находились сланцевые подвески овальной формы, сосуды, остатки жертвоприношений и тризн.

Помимо волосовских, поселения позднего энеолита в бассейне Сока содержат материалы других культур: *гаринской* и *новоильинской*. Это круглодонная посуда с примесью органики и раковины в глиняном тесте, имеющая форму, близкую к котловидной, и своеобразную систему орнаментации. Основная территория распространения этих культур - Прикамье и Поветлужье. Появление гаринцев и новоильинцев в лесостепном Поволжье также произошло в результате продвижения этих племен на юг, чему способствовало изменение климатической, экологической и демографической ситуации в Среднем Поволжье.

Далеко не все известно о жизни и особенностях развития культуры населения нашего региона в медно-каменном веке. Решение многих вопросов зависит от дальнейших исследований. Нам же предстоит познакомиться с культурами эпохи

курганов и кочевого скотоводства, замечательных технических открытий и межплеменных войн, складывания мощных этнокультурных общностей и упадка некогда могущественных народов - загадочного и бурного времени, именуемого эпохой бронзы.

